

СЛОВО ОБ АННЕ МИХАЙЛОВНЕ АСТАХОВОЙ¹

Есть ученые, в облике, характере, складе мышления которых отражается область их занятий. Так в В. О. Ключевском было многое и от Замоскворечья и от допетровской Москвы. Мне всегда представлялся он московским дьячком еще XVII в.: умным и остроумным, балагуром, хитроватым. Этому впечатлению способствовала его борода и не мешали очки.

Про академика Б. А. Тураева говорили, что он был настоящим древним египтянином. Про него распускали

---

⁶ *Данилов В. В.* Чешский славист Ян Фрчек. — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1956. т. 12, с. 642—644.

¹ Вступительное слово к заседанию памяти А. М. Астаховой 25 июня 1976 г. в Институте театра, музыки и кинематографии.

Анна Михайловна Астахова

слухи (почти серьезные), что он верил в древнеегипетских богов.

Было много от древней Индии у академика Ф. И. Щербацкого.

В Анне Михайловне Астаховой было очень много от культуры русского крестьянского Севера, с которым она связала не только свои научные интересы, но и личные привязанности, всю свою жизнь.

Анна Михайловна всегда представлялась мне статной, красивой и рачительной хозяйкой большой русской северной избы, большого крестьянского хозяйства, на которой все в доме держится, которая и детей воспитывает, и хозяйство ведет, выполняет и тяжелую и легкую работу, не считаясь со временем и усталостью, для которой интересы дома полностью слиты со своими собственными,

но которая все же не является главой этого дома — она только помощница хозяина.

Так и Анна Михайловна: она никогда не была во главе Сектора фольклора — ни в Институте этнографии АН СССР, ни в Институте русской литературы АН СССР, но она и аспирантов воспитывала, и мешки для песка во время блокады шила, и об архиве заботилась, и гостеприимство оказывала, и свои капитальные труды писала, — труды, в которых также живо ощущалась «хозяйская рука», стремившаяся навести порядок в большом фольклорном, по преимуществу северном эпическом «хозяйстве».

Уйдя на пенсию, Анна Михайловна оставила в полном порядке все свое «былинное дело»: его изучение. Взглянем хотя бы глазком на это оставленное ею нам «хозяйство» — на ее научное наследие.

Прежде всего ей принадлежат замечательные записи русских былин на Севере. Своим двухтомным трудом «Былины Севера» (т. I — 1938 г., т. II — 1951 г.) она вписала свое имя в один ряд с самыми замечательными русскими собирателями былин — Рыбниковым, Гильфердингом, Марковым, Ончуковым и др. Своими записями А. М. Астахова запечатлела последний этап в существовании русской былины на Севере. Она не только представила свой труд в образцовом порядке, но и заключила собой собрание былин, запечатлела последний, достойный полного внимания этап в их развитии.

В большом доме русского северного эпоса она навела последний и полный порядок. Она как бы была послана самой судьбой, чтобы сохранить нам русскую былинку на ее заключительном этапе.

И с этой своей жизненной и научной задачей А. М. Астахова связала и все остальные свои труды и заботы. Вместе с В. В. Митрофановой она издала в серии «Памятники русского фольклора» том «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв.» (М.; Л., 1960).

Такой же «хозяйственной», итоговой работой представляется мне книга «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948) и особенно монография «Былины. Итоги и проблемы изучения» (М.; Л., 1966). Без этой последней книги не обойдется сейчас ни один исследователь былин. Все эти работы связаны между собой, дополняют друг друга, составляют единое наследие, оставленное нам в образцовом порядке А. М. Астаховой.

Еще одна черта отличает А. М. Астахову и как ученого, и как человека. Темы научных интересов А. М. Астаховой были в той или иной мере связаны с людьми. Для нее в равной мере были важны и былины, и носители былинного творчества, и собиратели фольклора. Поэтому люди — «сказители» и люди — ученые были для нее одинаково важны и занимали огромное место в ее научных и просто человеческих интересах. Она много писала о сказителях, и личности сказителей стали определяющим принципом в ее собирательстве не потому только, что она принадлежала к той русской школе фольклористики, которая индивидуальности носителей фольклора придает первостепенное значение, но потому главным образом, что она любила людей, умела подмечать в них их индивидуальные особенности, их личность.

Отчасти этим отношением к людям, отношением «хозяйским» и материнским, объяснялось и то, что в критические моменты различных нападков на тех или иных фольклористов она пыталась уступить, пойти на компромиссы, чтобы только сохранить людей и тот большой дом фольклористики, в котором она чувствовала свою ответственность не только за «хозяйство», но за близких ей людей, за их судьбу.

Наша задача сейчас не только в том, чтобы оценить ее научное наследие, но и в том, чтобы сблечь ее живой облик замечательной русской женщины-труженицы. Женицей она была во всем и до последних лет своей жизни сохраняла свои женские заботы.